

Известная писательница об ауре языка, сиюминутной связи с читателем и ощущении дома

— Дина Ильинична, что значит для вас быть русским писателем в Израиле? Нет ли ощущения, что русская литература в еврейском государстве — феномен одного-двух поколений? Сверстники ваших детей проявляют какой-то интерес к русской словесности или их двуязычие не выходит за рамки общения с родителями и бабушками-дедушками?

— Разумеется, существование любой маргинальной литературы в иноязычной, родной для данной местности среде длится ровно столько, сколько длится процесс притока в страну эмигрантов, носителей языка, на котором литература создается. Тут чудес не бывает. Правда, за последние пару десятилетий произошла Интернет-революция, и ее последствия еще недостаточно изучены. Сегодня можно существовать в ауре языка дистанционно, так сказать. И все-таки реальная языковая среда, особенно, когда речь идет о молодом человеке, играет подавляющую роль в становлении сознания. Разумеется, наши дети уже погружены в другую культуру. Но ведь для этого мы их сюда и везли, не правда ли?

— Большинство ваших читателей, как ни крути, — иностранцы... Насколько вам удается чувствовать современное постсоветское пространство или эта связь с читателем гораздо глубже сиюминутно-географической?

— Большинство моих читателей живет в России, хотя много их и в других странах. Конечно, моя удаленность от эпицентра языка, от материка, сказывается в работе. Но, возможно, это и не так плохо: меньше вероятность подцепить какой-нибудь сиюминутный вирус, которые во множестве витают сейчас в свободной речи российской толпы. Помните Набокова: «Мой язык — замороженная земляника»? Ну, а что касается связи с читателем, так она может вполне быть сиюминутной — при наших-то нынешних условиях проницаемости пространства. Мы ныне такие свободные, такие широкие, такие разбросанные по миру и вездесущие... что порой очень хочется удалиться в скит.

— Вы как-то признались, что по натуре интроверт и человек молчаливый. Как это вписывается в израильские реалии — с местным темпераментом, открытостью, непосредственностью и порой беспардонностью? И ощущением того, что вы у себя дома...

— Отлично все вписывается в рельеф местности. К тому же, хочется предостеречь от такого обобщения — «средний израильтянин». Тут тоже весьма разные люди имеются, разных темпераментов, разных пристрастий. Просто «непосредственных и открытых» всегда и всюду больше видно и слышно. А насчет ощущения дома... Так я ведь живу тут больше четверти века, куда уж деваться.

— Назвать вашу прозу этнически окрашенной было бы упрощением, и все-таки, усматриваете ли вы некий еврейский акцент в своем творчестве?

— Я бы не назвала это акцентом. Это, скорее, доминанта, подспудно ощущаемая читателем, — в каких-то моих вещах больше, в каких-то меньше. Где-то ее совсем нет — это зависит от темы, героев, задач, которые я себе ставлю в тексте

— А что для вас вообще еврейская литература? Произведения на еврейском языке (точнее, языках)? Но тот же Этгар Керет мог бы с тем же успехом писать по-датски или по-испански... Еврейская тематика? Пятая графа автора?

— Это одна из тех категорий, о которых трудно и, я подозреваю, бесплодно рассуждать. Это все на уровне ощущений, интонаций, как раз вот этой доминанты, некоего психологического сдвига, еврейской манеры смотреть на мир, что ли... слегка остраненно.

Да, у многих израильских писателей есть это подсознательное, а порой и вполне сознательное стремление выкарабкаться из национального соуса. Отсюда некое нарочитое отталкивание от народа, от сути и примет еврейства... от своей родни. Это все потуги жителя маленькой страны, ужасно боящегося не успеть за «большим» и передовым миром.

— Вы стараетесь досконально изучить предмет, о котором собираетесь писать. То погружаетесь в цирковые подробности для «Почерка Леонардо», то штудируете технику реставрации для

«
Белой голубки Кордовы

»

·
Последний по времени ваш роман

—

«
Русская канарейка

»

— об агенте Моссада и звезде оперной сцены Леоне Этингере. Неужели и здесь пришлось так же тщательно работать с материалом?

— Конечно, причем, во многих областях, роман-то огромный, трехтомный, с обилием героев, сюжетных линий, городов... Очень тяжело работала.

□ **— Насколько вы ориентируетесь в современной ивритской прозе? Чувствуется**

ли еще в ней русское влияние, как это было лет 70 назад? И кого числите среди своих любимых израильских авторов?

— «Любимых» это, пожалуй, слишком сильное слово. Тут нужно, по крайней мере, очень здорово знать иврит, на уровне чтения серьезной художественной литературы. Но я дружу с переводчиками Меира Шалева — Рафаилом и Аллой Нудельманами. Это поразительно талантливые люди. Я всегда одна из первых читаю новый роман Шалева на русском языке и очень ценю этого писателя.

Беседовал Михаил Гольд

номер газеты: [№ 7 \(230\), июль 2016, тамуз 5776](http://hadashot.kiev.ua/content/dina-rubina-nashi-deti-uzhe-pogruzheny-v-druguyu-kulturu) <http://hadashot.kiev.ua/content/dina-rubina-nashi-deti-uzhe-pogruzheny-v-druguyu-kulturu>